

Исполняющий обязанности Председателя (*говорит по-французски*): Я предоставляю слово г-ну Жюли Миновесу Трикелю, главе делегации Андорры.

Г-н Миновес Трикель (Андорра) (*говорит по-английски*): Андорра — по линии Группы западноевропейских и других государств — станет членом Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) Организации Объединенных Наций на основе ротации сроком на три года начиная с 2001 года. Это огромная ответственность и особая задача для небольшой страны, которая стала членом Организации Объединенных Наций только в 1993 году.

Наш министр иностранных дел г-н Альберт Пинтат хотел бы присутствовать здесь сегодня и подтвердить в присутствии членов Ассамблеи приверженность Андорры целям Организации Объединенных Наций и в особенности нашим обязательствам в ЭКОСОС. Он дал бы высокую оценку докладу Брахими и содержащимся в нем новым идеям относительно операций по поддержанию мира, которые поддерживает моя страна. Когда он узнал, что ему не удастся возглавить в этом году нашу делегацию в Организацию Объединенных Наций из-за неотложных официальных дел в Европе, он попросил меня в свете нашего предстоящего членства в ЭКОСОС участвовать в общих прениях 2000 года и высказать ряд свежих соображений — по возможности, творческого характера — по вопросу о том, как процесс глобализации может сказаться на малом государстве. Это огромная задача, поскольку, похоже, все было сказано по этому вопросу, но я попытаюсь должным образом выполнить инструкции нашего министра.

Однако, прежде всего, позвольте мне передать поздравления от имени Альберта Пинтата Харри Холкери, Председателю Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят пятой сессии, в связи с его избранием на этот пост и выразить признательность его предшественнику Тео-Бен Гурирабу за блестяще проделанную им трудную работу.

Когда я был студентом здесь, в Соединенных Штатах, я записался на курс фотографии. Я взял в доме своей семьи в Андорре негатив — это был один из старых негативов из стекла — и стал проявлять его в университетской фотолаборатории.

Я помню момент, когда я опустил его в раствор и увидел, как медленно на белой фотобумаге начали проступать черты лица моей прабабушки. Я испытал потрясение, наблюдая за тем, как в Нью-Хейвене медленно на бумаге появляются черты лица из далекого прошлого, человека, который жил задолго до моего рождения. Утраченные черты из утраченного прошлого.

Если бы я располагал временем, а члены Ассамблеи были бы расположены меня выслушать, я рассказал бы им о своей прабабушке, замечательной женщине, которая никогда не покидала Андоррскую долину, расположенную высоко в горах — в Пиренеях. Я мог бы рассказать им о том, что на ее лице, сильном и волевом, как бы высеченном из камня этих гор, написана история моей страны. На этой фотографии она одета во все черное и ее взгляд устремлен не на камеру, а на гористую землю. За ее спиной можно видеть камни вблизи семейной фермы, возвышающейся над Сан-Джулией, одним из семи приходских округов, образующих Княжество Андорру.

Ее Андорра сильно отличается от нынешней. Грязные дороги были заасфальтированы, а на полях, где были разбросаны камни, появились магазины, дома и отели. Замечательные церкви романского периода, которыми гордилась моя страна и которые были возведены еще в период основания Княжества в конце тринадцатого века и смутно вырисовывались на фоне селений на протяжении вот уже почти тысячелетия, окружены сейчас обыденными зданиями — магазинами, квартирами, домами, такими же зданиями, которые можно видеть в районах Рио-де-Жанейро, Пекина или Нью-Йорка.

Да, многое изменилось с тех пор, когда мой прадедушка сделал эту фотографию. Моя прабабушка узнала бы только церковные башни и горы. А то, что было таким привычным для ее мира — рассказы, приготовление пищи, ткань повседневной жизни, — все это исчезло.

За 70 лет Андорра превратилась из бедной страны в процветающую, в страну, которую ежегодно посещает более 10 млн. туристов, приезжающих сюда кататься на лыжах зимой и лазить по горам летом. Сейчас мы стали коммерческим центром. Если вы желаете взглянуть

на страну, которая претерпела изменения благодаря глобализации, взгляните на Андорру.

Андорра — страна, которая выжила, сохранила независимость и не была завоевана с 1278 года. Это одна из старейших и самых крошечных демократических стран мира.

Какой-нибудь историк мог бы утверждать, что этим замечательным фактом она обязана своей изоляции и бедности, или же тому, что на протяжении веков внешний мир вокруг нее пропорционально балансировался ее сокнязьями — Епископом Ургельским к югу, а к северу — графом де Фуа, позднее ставшим французским королем, а с 1805 года главой французского государства. Неудивительно, что я могу приписать замечательную историю мирного существования осмотрительному характеру андоррского народа. Или же — и в меньшей степени частично — я скорее полагаю, что благодаря тому, что это маленькая страна, где приходы были способны легко общаться друг с другом в Каса-де-ла-Валь, Дом долин, связи никогда не прерывались.

Темой состоявшегося в Организации Объединенных Наций Саммита тысячелетия была глобализация. Как таковой, этот Саммит был назван надлежащим образом, поскольку, я бы сказал, глобализация стала явлением второго тысячелетия, даже, вероятно, явлением человеческой культуры. Я политик, а не историк, однако всем нам известны те последствия, которые навлекли как на Европу, так и Ближний Восток крестовые походы XI–XII веков, или трансформация коренных и европейских культур, в результате открытия Нового Света, или же воздействия как на Африку, так и на Америку работорговли XVII–XVIII веков. Эти связанные с насилием столкновения формировали лицо планеты, хотя они несли смерть и разрушения. Они также и разжигали наше воображение. Шекспировский театр в Лондоне XVII века назывался «Глобус» — шутка, которую он любил вставлять во многие из своих пьес. Мне приятно представлять себе Организацию Объединенных Наций как новый «Глобус» — театр, в котором мы все являемся актерами или — если нам позволяет воображение — драматургами истории нашей хрупкой планеты.

Однако глобализация, которую мы переживаем сегодня, носит совершенно иной характер. Как это

представил в своем вступительном заявлении при открытии Саммита тысячелетия Кофи Аннан, стартовая позиция для нового тысячелетия может быть определена одним словом — «глобализация», которая размывает национальные границы по мере того, как мир обретает формы единой экономической системы, единого общего пространства, одной «деревни».

Это идиллистическое представление — представление о мире как о деревне Генеральному секретарю, конечно, прекрасно известны и негативные воздействия этого процесса. В том же самом вступлении он предостерегает:

«Глобализация открывает широкие возможности, но в настоящее время ее блага распределяются очень неравномерно, а за ее издержки расплачиваются все.

Таким образом, наша главная задача сегодня — добиться, чтобы глобализация стала для всех народов мира позитивной силой». (A/54/2000), пункты 13 и 14)

Нам всем известны те протесты, которые возникают и еще будут возникать против того же самого слова «глобализация». Давайте прислушаемся, например, к одной из заинтересованных групп, выбранной наугад, — Международному форуму по вопросам глобализации (МФГ), воспринимающему этот термин как «глобализованную экономическую систему, в которой господствуют наднациональные корпоративные торговые и банковские институты, которые не подотчетны перед демократическими процессами и национальными правительствами». МФГ обвиняет

«ГАТТ, ВТО, Маастрихтский процесс, САССТ, наряду с проводимой МВФ и Всемирным банком политикой структурной перестройки, являясь непосредственными стимуляторами тех процессов, которые ослабляют демократию, устанавливают такой мировой порядок, который находится под контролем транснациональных корпораций и который разрушает в мире его естественный порядок».

Согласно МФГ, глобализация умаляет полномочия местных и коренных сообществ, государств и даже наций, уничтожает как мелкомасштабное сельскохозяйственное

производство, так и сохранившуюся на Земле дикую природу и ведет к всемирной гомогенизации разнообразных местных и самобытных культур. Для противостояния ее воздействию МФГ отстаивает оживление местных сообществ путем поощрения их максимальной самостоятельности, признания прав коренных народов и отказа от парадигмы неограниченного экономического роста.

Когда я прислушиваюсь к этим словам, я не могу не слышать горькие стенания, стенания об утраченном и упрощенном мире — мире моей прабабушки. И я вспоминаю о самом скорбном из всех стенаний об утраченной культуре, о труде, который в самом деле говорит о мышлении борющихся с силами глобализации активистов — о Клоде Леви-Стросе и его шедевре «Печальные тропики» («Tristes Tropiques»), о его элегии народу бассейна Амазонки, который, даже по мере того, как он запечатлял его жизнь на бумаге, растворялся в современном мире.

Мне понятна печаль об утраченном мире, мире прошлого, которое постоянно ускользает от нас, которое существует лишь в черно-белом негативе нашей памяти. И поэтому здесь, перед этой Ассамблеей, я выражаю грусть и печаль по всему исчезнувшему не только в Андорре, но и на планете в целом, всему забытому, похороненному благодаря таким факторам, как путешествия, туризм, телефонная связь, телевидение, кинематограф и Интернет.

Эти технологии связывают мир воедино; они сокращают его расстояния и угрожают растворить культуры планеты в единообразной монокультуре. А теперь я задам своим слушателям вопрос: какие новые открытия ожидают нас? Мы не можем себе их представить, но они придут, и раньше, чем мы думаем, на этой нашей ужасающей и прекрасной планете.

И тем не менее, и тем не менее... Манифест МФГ не был наклеен на врата церкви в Виттенберге, напечатанный с помощью новой технологии, которая дала толчок другой революции — Реформации XVI века. Он был взят из одного из сайтов всемирной паутины Интернета. Эта паутина, в которой идеи, изображения и голоса путешествуют по всей планете со скоростью света, является замечательным достижением, сокращающим время и пространство.

Точно так же я осознаю, что представление о своей прабабушке я составил на основе фотокарточки, благодаря фотокамере — технологии, которая, вероятно, больше, чем другие, не считая компьютера, преобразила и ускорила поступь развития нашей планеты.

Я говорю это к тому, чтобы продемонстрировать один простейший факт: не только то, что этот манифест был представлен с помощью самой технологии глобализации, но и то, что ностальгия по местной экономике вполне вероятно является продуктом самой глобализации.

Моя прабабушка прожила хорошую жизнь, но тяжелую, с ужасными зимними холодами и непрерывной работой. Выбрала ли бы она эту жизнь, если бы она могла иметь иную? Если бы она знала об иной? И, ближе к существу вопроса, была бы ли ей предоставлена возможность выбирать?

Нужно помнить о том, что люди сами с готовностью принимают перемены. Реальные люди не те, что довольствуются жизнью — будь то физически или в воображении — в местах своего происхождения, а те, кто преисполнен стремления улучшить свою жизнь или увидеть мир, — они прилагают усилия и стараются достичь перемен, — если бы только знать, что они потеряют.

Леви-Строс не мог заставить себя осознать, что люди, за которыми он наблюдал в глубине амазонских тропических лесов, вероятно хотели покинуть свой рай, и вовсе не потому, что они были вытеснены оттуда современным укладом жизни — современностью, которую восхвалял сам Леви-Строс, — а потому, что они хотели улучшить свою жизнь, постичь мир, на себе испытать болезненный пульс завоеваний и утрат.

Для того чтобы это осознать, стоит только выйти из этого зала и пройтись по любой из улиц города. Люди со всего мира, люди всех рас, проходящие туда-обратно, в одиночку или беседа, счастливые или несчастные, испытывающие тоску по родине или отдающиеся мечте, которую, создается впечатление, этот город порождает. На улицах мы видим рестораны, предлагающие замечательные блюда со всех концов планеты, и рестораны-гибриды — французско-сенегальский, американско-тайский. Или смешанные дети. На улицах Нью-Йорка, Парижа, Гонконга или Андорры-ла-Вельи люди меняются, изменяются

цвета. Какой новый прекрасный мир рождается вокруг нас?

Говоря об этом, я вовсе не желаю противоречить тревогам антиглобалистов, каким бы то ни было образом отрицать признание ими опасностей перемен. Мы себе в ущерб игнорируем практические вопросы, вращающиеся вокруг международных финансов, международных корпораций, ширящейся пропасти между странами имущими и неимущими, опасностей для окружающей среды.

Вот те практические вопросы, которые следует внимательно рассмотреть. Перефразируя Аннана, можно сказать, что нам нужны механизмы выравнивания благ глобализации, превращения жизни в явление позитивное для всех людей. Под этим я подразумеваю отнюдь не стремление к чрезмерному избытку материальных благ, а кров, здоровье и защиту от болезней. И я бы просто добавил, что до и за время моего пребывания здесь в качестве посла Организация Объединенных Наций провела целую серию совещаний или конференций на высшем уровне для обсуждения этих самых проблем: в Рио, Стамбуле, Копенгагене, Пекине, Риме — называя лишь некоторые из них. В будущем году предстоит всемирная конференция по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними нетерпимостью, всемирная встреча на высшем уровне в интересах детей и «Рио+10». Уже определен существенный объем работы по решению проблем глобализации. Теперь нам необходимо продолжать работу по достижению наших целей.

В заключение хотелось бы коснуться исходной посылки глобальных как оптимистов, так и пессимистов: идеи о том, что глобализация пришла на смену национализму. Цитируя, опять-таки, Кофи Аннана, глобализация означает «размыwanie национальных границ по мере того, как мир обретает формы единой экономической системы, единого общего пространства, одной «деревни».

В том же духе в опубликованном в «Нью-Йорк таймс» репортаже о протестах против глобализации говорится, что «ораторы не возражают против глобализации как таковой, ибо с их точки зрения эпоха национальных государств неизбежно движется к своему концу».

Но противостоят ли глобализация и национализм друг другу? На первый взгляд может показаться, что да. Создается впечатление, что так многое из глобализации — не признающие границ механизмы экономики, сокращающие расстояния коммуникационные сети — делают предыдущую модель национального государства устаревшей.

Тем не менее независимо от того, идет ли речь об этнических конфликтах в Руанде или на Балканах, о проблеме иммиграции в развитые страны или конфликте в Восточном Тиморе, мы знаем, что вопрос о границах, о паспорте приобретает все большее уважение. Несмотря на нашу взаимозависимость, национализм не исчез. Я опасюсь, что может проявиться национализм не обусловленный истинным патриотизмом, т.е. любовью к какой-то местности. Я молю Бога, чтобы человечество не оказалось во власти бездумного национализма, основа которого в «исключении» или же в потворстве амбициям не особенно щепетильных политиков. Нам нужен демократический национализм, суть которого — забота о правах личности. Это не национализм XVIII–XX веков, связанный с желанием контролировать рынки, борьбой за право грабить, — это новый вид национализма, основанный не на национальной замкнутости и принадлежности к одной культуре, а связанный с мировой экономикой, более не признающей государственных границ, демократический, гражданский национализм, глобальный национализм.

Я должен сказать, что это будет новый вид национализма, в условиях которого Андорра и другие малые страны не будут представлять собой исторический анахронизм, а будут являться олицетворением гражданского национализма, основанного, как это и должно быть, на демократической воле народа. И в этом смысле невоинственный патриотизм Андорры, вся ее 700-летняя история мира и общения могут служить скромным историческим примером.

Страны должны переосмыслить концепцию государственности, с тем чтобы быть в состоянии эффективно участвовать в жизни нашей планеты и стать тем, чем мы должны быть и в некоторой степени уже стали: объединенными нациями. Уже в самом названии Организации Объединенных Наций, в главной ее задаче заложен процесс

глобализации, который протекает сейчас быстрыми темпами. Организация Объединенных Наций, на создание которой человечество подтолкнули угроза войны, а позже и ядерной войны, и самая ужасная из межнациональных схваток, представляет собой действенный форум для решения вопросов, которые носят глобальный характер, не в том смысле, что они не укладываются в рамки сферы компетенции какой-либо одной, отдельно взятой страны, а в том, что они представляют интерес для всех стран.

Международный уголовный суд, Статут которого будет ратифицирован в ближайшее время нашей страной, которой выпала честь внести свой вклад в его подготовку посредством разработки первых пунктов преамбулы, является хорошим примером такого органа, который уважает границы, однако превыше всего ставит права человека. Преступления против человечности должны быть и будут наказуемы.

Этот нового рода национализм, признавая границы, отстаивает верховенство прав граждан на свободу и мир. Поэтому Организации Объединенных Наций необходимо, уважая национальные границы, признать, что она может и должна активно действовать в защиту этих прав во время гражданских конфликтов. Серьезная глобальная угроза, которую представляют СПИД и другие инфекционные болезни, также требует от каждой страны принятия надлежащих мер и признания того, что с ней невозможно справиться в одиночку и что здесь нужны глобальные усилия под эгидой Организации Объединенных Наций. Иными словами, нам нужна не просто Организация Объединенных Наций — нам, как уже отмечали многие, нужны объединенные нации.

Я начал свое выступление с образа моей прабабушки, смотрящей на скалистый ландшафт своей страны. Я хочу завершить свое выступление, по крайней мере символически, другим образом: нашим. Когда-нибудь наши правнуки смогут обнаружить наш образ, возможно даже наш образ в этом Зале. Возможно, они воспроизведут его с помощью совершенно неизвестной нам технологии, настолько удивительной, что нам даже трудно ее себе сейчас представить. Будем надеяться, что они будут жить в том прекрасном новом мире, о котором я сегодня говорил. И будем надеяться, что мы для них предстанем в образе носителей позитивных перемен. Будучи современниками этих перемен, мы

не можем их игнорировать. Мы должны твердо стоять на земле нашей великой планеты и уверенно смотреть вперед. Нам нужно осознать суть происходящих перемен. Нам нужно единение.

Исполняющий обязанности Председателя (*говорит по-французски*): Я предоставляю слово министру иностранных дел и культуры Гаити Его Превосходительству г-ну Фрицу Лонгшаму.

Г-н Лонгшам (Гаити) (*говорит по-французски*): Республика Гаити хотела бы присоединиться ко всем тем, кто поздравлял г-на Харри Холкери (Финляндия) в связи с его избранием на пост Председателя пятьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи. Мы хотели бы также воспользоваться этой возможностью, чтобы воздать должное г-ну Тео-Бен Гурирабу за успешное руководство работой пятьдесят четвертой сессии.

Я хотел бы выразить нашу признательность Генеральному секретарю г-ну Кофи Аннани за его замечательный вклад в укрепление доверия к Организации.

Республика Гаити приветствует прием Тувалу в члены Организации Объединенных Наций.

Для всех совершенно очевидно, что в ходе нынешней сессии усилия должны быть сосредоточены на определении путей осуществления решений, принятых главами государств и правительств наших стран на Саммите тысячелетия, с тем чтобы разработать политику эффективного глобального сотрудничества в XXI веке. Несмотря на вполне обоснованную критику в адрес Организации, с момента создания которой прошло уже 55 лет, система Организации Объединенных Наций остается единственной глобальной структурой, способной генерировать коллективные решения проблем, стоящих перед нами в области международной безопасности, окружающей среды и социально-экономического развития.

Организация нередко оказывается не в состоянии найти пути решения существующих проблем. Однако мы хорошо понимаем, что эта неспособность изыскать надлежащее решение обусловлена целым рядом факторов, в том числе нехваткой ресурсов и неэффективным использованием имеющихся, а также